

Сов. культура, 1983, 25 окт.

МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ

Заметки о новом сочинении Родиона Щедрина

В пятницу вечером в переполненном Большом зале Московской консерватории с самого начала рождалось предчувствие необычного.

Необычно были рассажены музыканты в совершенно непривычном составе: орган и полукругом три группы солистов — трио флейт, трио тромбонов, трио фаготов. Необычно название нового сочинения Родиона Щедрина — без указания жанра — «Музыкальное приношение», за которым угадывался философский смысл. Необычен размер сочинения — оно идет два часа и десять минут без перерыва.

Тишина. Возникают звуки органа — разрозненные, как бы хаотичные. Короткая фраза в одном регистре. Короткая фраза в другом. Один тембр. Другой — будто органист что-то нащупывает, ищет. Остатный бас.

Из разорванных звуков, из резких органичных звучаний возникает душа человеческая: обнаженная, прозрачная, смятенная, которая будто собирает себя из хаоса. Если говорить, что Пятая симфония Шостаковича раскрывает тему становления личности, то о щедринском «Приношении» можно сказать, что это медленное и мучительное самосотворение, самосоздание души, которой потом предстоит постигнуть себя, мир в себе, себя в мире.

Органное соло развивается в подчеркнуто замедленном темпе, в просторном временном диапазоне — оно звучит почти пятьдесят минут, и поначалу мне показалось затянутым. Композитору требуются отвага и одержимость стремлением полностью выразить свою мысль, чтобы написать столь протяженное соло. Однако, прослушав и осознав сочинение целиком, понимаешь, как необходима была эта замедленность для общей философской концепции и для создания того эмоционального состояния, без которого нельзя дальше следить за развитием действия. Ибо ощущение, что я присутствую при действе, а точнее, вовлечен в участие в нем, не оставляло меня весь вечер.

Скажу честно и сразу — я не разговаривал с автором о его новом сочинении и не знаю, какой смысл вложил в «Приношение» он сам. Но может быть, это и к лучшему — я имею возможность непредвзято говорить о моем личном восприятии, которое может совпасть или не совпасть с восприятием других или даже с авторской трактовкой. Ведь самая большая ценность и сила музыки как раз в том и заключается, что она будит в каждом собственные ощущения.

Когда вступили в последовательности группы флейт, фаготов и тромбонов, развернутыми музыкальными монологами представляясь органу, то я истолковал эту часть сочинения, как вступление сформировавшейся души в соприкосновение с миром вне ее. С аллегориями земной суетности.

Суетливая умиленность щебечущих флейт ассоциируется для меня с щедринскими параша из «Мертвых душ», с Дамой просто приятной и с Дамой приятной во всех отношениях, с их пустотой и глуповатой восторженностью.

Фаготы заявляют о себе, как деловитые прощелыги, шмыгающие по шумным городским улицам в вечерних огнях, всезнающие и циничные.

Самоуверенно вступают и ведут свою линию тромбоны, манекенно марширующие оловянные солдатики.

Движения органичной души отзываются на натиск солирующих инструментов, но душа еще не вышла за свои пределы, и музыка звучит непересекающимися тембрами. Драматизм действия нарастает; флейты, фаготы, тромбоны. то пародируя себя с чисто щедринской ироничностью, то затеявая спор между собой, заставляют душу-орган отвечать им, и вот уже душа втянута в сложное и противоречивое взаимодействие с тем, что вокруг.

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ

Антуан де Сент-Экзюпери писал: жить, значит, медленно рождаться, невозможно родиться с готовой душой, это была бы чересчур большая роскошь.

Душа «Приношения» рождается не в противоборстве, а в постижении — и легкомысленной виртуозности флейт, и динизма фаготов, и послушной тупости тромбонов, ибо они, как и все остальное, есть ее же порождения. Стеная в величии своего космического одиночества, тоскуя в скудости земного бытия, душа вбирает в себя все, что есть в жизни, все наполняя и преобразая собой.

Это выражено мощнейшим музыкальным взрывом. После него душа-орган становится совместна солирующим инструментам: теперь они звучат облагороженно и тонко.

Финал построен на вопросах и ответах. Голоса флейт, фаготов, тромбонов настойчиво спрашивают, ищут. Им созвучно и устало отвечает орган. И — гаснущий, гаснущий звук одинокой флейты: душа отдавала себя, совершив наивысшее приношение.

Я отдаю себе отчет в том, что допустил недопустимое: попытался пересказать музыку словами. Но «Приношение» Родиона Щедрина так глубоко и многозначно, что вызывает оно желание не только размышлять, но и говорить о нем. Нет сомнения в том, что «Приношение» — самое значительное из всего, написанного Щедриним. Это работа зрелого мастера.

Борение человеческого духа — одна из вечных тем искусства, но Щедрина, проведя ее через призму нашего тревожного, грозного времени, написал произведение остросовременное и своевременное: человек сотворяет себя титаническим трудом, свершения его духа бесценны и должны быть защищены. Человек — единственная мера всех вещей.

Для меня очень важно и другое: Щедрина не упрощает сложность нашего мира и времени, но он выражает эту сложность все более простыми и убедительными музыкальными средствами — от про-

изведения к произведению идет композитор путем углубления мысли и достижения большей ясности языка. Я говорю о простоте сопоставительно с огромностью задачи, поставленной Щедриним перед собой в «Приношении», потому что в этом сочинении используются и своеобразный прием коллажа, и колючие метафоры, и полифония старых мастеров — не случайно же «Приношение» посвящено Баху в связи с его трехсотлетним юбилеем.

Формой Щедрина владеет безупречно — например, не так часто встречаешь сочинения с такой поразительной точностью тембральной архитектоники, какой отмечено «Приношение». Об этом можно было бы — и хочется — написать много и серьезно, как и о невероятной виртуозности техники Щедрина-органиста, но я пишу для газеты...

И все-таки нельзя не выделить роль органа в «Приношении». Выбор этого инструмента олицетворяет собой связь времен: орган традиционно ассоциируется с устремленностью к духовности, орган возвышен и неповторим. Это инструмент, который дает возможность широчайшего спектра звучаний, — если оркестр представляет собой соединение очень большого количества людей, а значит, индивидуальностей, то орган находится в руках одного человека; я сказал бы даже, что в «Приношении» орган выступает метафорой многозвучной человеческой души. Я спрашивал себя: чем объяснить необходимость столь необычного состава? Зачем нужны флейты и фаготы, когда орган располагает их тембрами? Видимо, дело в том, что звучание «живых» флейт и фаготов все равно всегда будет ощущено отличаться от приподнятого звучания органа, и мастер Щедрина воспользовался и этим, чтобы еще раз подчеркнуть единство и различие «духовного» и «земного».

Не могу не сказать и о высочайшем мастерстве ансамбля, где каждый музыкант выступает полноправным участником свершившегося. С благодарностью слушателя, получившего редкостное наслаждение, хочу назвать имена А. Корнеева, который с таким артистизмом выполнил и обязанности концертмейстера, Андриаса Арницанса, Н. Миронова, А. Поплавского, А. Капчели, В. Школьника, И. Копачевского, Е. Евстафьева, Э. Осипова.

...Гаснущий, гаснущий звук одинокой флейты — душа свершила приношение, и мир, приняв его, уже не будет тем, что прежде. Разве не в этом вечная миссия настоящего искусства, разве не об этом с такой силой заставил нас задуматься Щедрина, разве не об этом прекрасные строки Олжаса Сулейменова:

Любая влага,
влитая в кувшин,
спешит принять
его литую форму.
...Так, в мир входя,
мы изменяем мир,
он — оболочка,
мы — его основа.